

Имущественные вопросы всегда с особенной резкостью будоражили умы постсоветской либеральной общественности. Будь то возможный пересмотр итогов приватизации в духе предложений читателей переписки Энгельса с Каутским или же куда более мирные процессы, связанные с возвращением имущества, отнятого идейными предками нынешних шариковых, его законным владельцам. Но почему-то именно последний процесс, именуемый сегодня новомодным импортным словом «реституция», вызывает наиболее активные публицистические споры и столкновения.

И в данном случае не суть важно, кто является субъектом возможной реституции. Молодой ли потомок князей Голицыных, который был бы не прочь переехать из своей малометражной «хрущевки» в родовой особняк в центре Москвы, или же вся Русская Православная Церковь, претендующая на целый комплекс экспроприированного земельного, движимого и недвижимого имущества. Сама перспектива подобного возврата с самого своего перестроечного начала вызывает столь бурные споры и противодействия, что для судящих и рядящих чиновников подчас оказывалось куда легче без особого разбора провести приватизацию подобного имущества, чтобы затем, в случае столкновения с потомками законных владельцев, «невинно» развести руками. Кроме того, это позволит чиновникам избежать всевозможных имущественных споров, столкновений и неурядиц.

А неурядицы, судя по всему, неизбежны. Так, например, уже сегодня, когда вопрос о «передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» наконец-таки сдвинулся с «мертвой точки», в СМИ сразу же зашли разговоры о возможных межрелигиозных конфликтах на имущественной почве. Так, в опубликованной 25 января 2010 года в журнале «Итоги» статье «Приватизация всея Руси» отдельным параграфом прописывается неизбежность имущественных столкновений между РПЦ и РПСЦ.

Действительно, «дыма без огня не бывает». Так, одним из наиболее ярких примеров последних лет является московская старообрядческая церковь Тихвинской чудотворной иконы Богородицы на улице Хавской, которая была воздвигнута староверами в 1908-1912 гг. на месте своей старой моленной. В советские годы в храме был склад, в 1990 же году его неожиданно приватизировали, после чего около десяти лет в храме находился гриль-бар «Ладья», в свою очередь выкупленный неким бизнесменом. Новый

владелец категорически отказался передавать здание историческим владельцам и начал реставрацию вроде бы с целью передачи Русской Православной Церкви, которая, однако, во избежание противостояния со старообрядцами отказалась принимать храм. В итоге конфликт, который попытались на этой почве раздуть некоторые представители РПСЦ при поддержке одного скандально сайта был сглажен, но ситуация осталась патовой. Храм так и не был передан верующим, однако успел стать своеобразным «яблоком раздора» между представителями Русской Православной и Русской Православной старообрядческой Церквей. Хотя ни та, ни другая, так ни на минуту и не были его собственницами...

Сегодня уже нет никаких сомнений в том, что разрешить подобные коллизии способен только адекватный закон о реституции церковного имущества. Вопрос лишь в том, каким образом сделать так, чтобы возвращение имущества не его непосредственному владельцу, но его преемникам той или иной степени легитимности, не привело к еще большим проблемам и неурядицам, нежели существуют сегодня в условиях отсутствия подобных механизмов.

В действительности вопрос, как говорится, «не прост», а потому хотелось бы кратко напомнить его совсем недавнюю предысторию. Так, еще в начале 2007 года в преддверии воссоединения двух ветвей Русской Церкви: Московского Патриархата и Зарубежной Церкви, тогда еще первому вице-премьеру Дмитрию Медведеву Президентом Путиным был поручен новый ответственный фронт работы: контроль над передачей в частную собственность религиозных организаций всего имущества религиозного назначения, которое пока что находится в их же бессрочном пользовании, но формально принадлежит государству.

В итоге Правительственная комиссия под руководством Президента Медведева утвердила концепцию передачи в собственность церкви имущества религиозного назначения, согласно которой Церкви предлагается передать в собственность имущество, уже сейчас находящееся в ее безвозмездном бессрочном пользовании. Речь идет не только о культовых зданиях и сооружениях с относящимися к ним земельными участками, но и о внутреннем убранстве церквей, включая предметы, необходимые для совершения богослужения. И вот сегодня концепция наконец может стать правительственным законопроектом, а, соответственно, практически автоматически и законом. Во всяком случае, известно, что Владимир Путин поручил кабинету министров доработать проект уже к февралю 2010 года.

Между тем общая цена вопроса столь высока, что решить его одним (даже самым

замечательным) документом едва ли удастся. Тем более что с точностью определить масштаб возвращаемого имущества сегодня не берется никто. Известно лишь то, что только земельные угодья, которые могут быть в перспективе переданы во владение Русской Православной Церкви, оцениваются в миллионы гектар. А это вызывает вполне закономерное сопротивление. Причем даже не столько среди «конкурентов» (как известно, у Московского Патриархата таковых практически нет, и даже легитимная в глазах госчиновников РПСЦ, скорее, является «Мини-РПЦ»), сколько среди диссидентствующих завистников, в частности, тех людей, кто до сих пор искренне считает религию «опиумом для народа».

Стоит признать, что и в самой церковной среде отношение к грядущей реституции неоднозначно. Что удивительно, эти разногласия в значительной степени существуют в силу того, что в православной среде до сих пор окончательно не изжит конфликт «иосифлян» и «нестяжателей» XVI века.

Напомним, что без малого пять столетий назад между двумя церковными партиями, которые олицетворяли два выдающихся православных монаха, впоследствии причисленных к лику святых – Иосиф Волоцкий и Нил Сорский – разгорелся нешуточный спор. Позиция первых заключалась в том, что Православная Церковь должна принимать непосредственное участие в государственной жизни, быть мощной не только духовно, но и материально, в том числе и за счет огромной монастырской земельной собственности, а соответственно и прикрепленных к ней крестьян. Вторые же, «нестяжатели», напротив, утверждали, что столь большая собственность и политическая активность лишь «обмирщает» Церковь, по сути, делая ее частью государственного механизма во вред духовного авторитета. В те годы победила партия «иосифлян», хотя и «нестяжатели» не были осуждены в качестве еретиков, что для того времени было делом элементарным.

В итоге Церковь стала крупнейшим землевладельцем и лишь петровская и екатерининская секуляризации монастырских угодий несколько сократили масштаб церковной экономической влиятельности. Российской империи была нужна не столько духовная, сколько военная мощь, а потому факт переплавки Петром I церковных колоколов на пушки сегодня уже никого не удивляет, хотя в те годы это казалось явным кощунством. Именно поэтому советская эпоха стала лишь наиболее грубым и агрессивным продолжением тех процессов, которые начались еще в XVII столетии. В конечном же итоге Церковь оказалась лишена фактически всего, в том числе, и собственных храмов, которые, как уже было сказано ранее, до сих пор находятся лишь в церковном пользовании, а не собственности.

Помимо сугубо духовного «нестыжательского» скепсиса по отношению к «искушению собственностью» существует куда более прагматический аспект внутрицерковной критики реституционных процессов. Так, очевиден тот факт, что возможность передачи имущества Церкви – не столько акт государственной «доброй воли» и осознания и раскаяния в большевистских преступлениях перед верующими, сколько банальное желание сократить бюджетные расходы на содержание церковного имущества и, в первую очередь, памятников архитектуры. Понятно, что для Церкви это станет скорее обузой, нежели выгодным приобретением.

Еще один немаловажный камень преткновения – вопрос налогообложения церковного имущества. Даже если предположить тот факт, что государство пойдет навстречу Церкви и примет целый комплекс новых законов, предоставляющих беспрецедентные налоговые льготы, нельзя предположить, что новоявленный крупный собственник будет полностью освобожден от этой повинности. И не возникнет ли ситуация, когда Церкви ради того, чтобы сохранить малое, придется жертвовать большим, как минимум, сдавая в аренду только что обретенную собственную недвижимость, а, возможно, даже начать распродажу ее части.

Но на что же именно сегодня в реальности может рассчитывать Русская Православная Церковь в случае запуска процесса реституции в том его виде, в каком это предполагает упомянутая ранее комиссия? Помимо уже названных культовых зданий и сооружений, это могут быть так называемые «непрофильные объекты», например, дома причта, пекарни или церковно-приходские школы. Однако в этом случае Церкви предстоит пройти бюрократическую процедуру экспертизы в Роскультуре и Росохране, доказав, что эти объекты по территориальному, архитектурному и функциональному признакам неразрывно связаны с объектами религиозного назначения. Однако в современных обстоятельствах, когда светские власти все больше благоволят властям духовным, это сделать будет отнюдь не сложно. Хотя возможность неприятных столкновений в данных вопросах местных (в основном, муниципальных) учреждений с церковными структурами более чем вероятна.

Следует также отметить, что в соответствии с правительственной концепцией в собственность Церкви не смогут поступить особо ценные памятники архитектуры, включенные в Список всемирного наследия ЮНЕСКО (например, храм Василия Блаженного или храмовый ансамбль Московского Кремля). Однако, по всей видимости, в сегодняшней ситуации Церковь вполне устраивает возможность совершения в подобных храмах более или менее регулярных богослужений, не претендуя на приобретение их в непосредственную собственность.

Между тем, на сегодняшний день наибольшее опасение противников реституции церковного имущества вызывает именно земельный вопрос. Так, широко известный своими антицерковными публицистическими работами и заявлениями руководитель Центра изучения религии в странах СНГ и Балтии Николай Митрохин неоднократно прямо утверждал, что в результате реституции Русская православная церковь станет крупнейшим «латифундистом» и «девелопером», способным «злоупотреблять» своим исключительным положением.

Действительно, Церковью уже несколько лет назад был создан специальный Центр инвестиционных программ и уже разработан целый ряд инвестиционных проектов общероссийского значения. Однако это отнюдь не значит, что, как утверждают некоторые критически настроенные по отношению к Церкви СМИ, данные проекты чуть ли не в первую очередь будут направлены на строительство коммерческих объектов – офисных, торговых и жилых комплексов. Хотя и в данном случае не совсем ясно, почему Церковь, формально отделенная от государства и являющаяся столь же свободным субъектом рыночных отношений, как и любой другой независимый институт, не имеет права на реализацию собственных коммерческих инвестиционных проектов. По всей видимости, здесь мы имеем дело исключительно с эмоциональной составляющей.

К слову, в качестве наиболее яркого примера эффективного использования земельных угодий представителями Русской Православной Церкви можно привести опыт московского Сретенского монастыря. Последний во главе со своим наместником архимандритом Тихоном (Шевкуновым) уже на протяжении многих лет более чем просто успешно руководит сельскохозяйственным кооперативом «Воскресение» в Рязанской области.

Однако подошла пора подвести дебаты с кредитами и расставить все точки надо всеми “i”. Так кто же все-таки приобретет, а кто потеряет в результате процесса церковной реституции? И вот здесь мы сталкиваемся с целым рядом антиномий, которые не присущи имущественному переделу, проходящему между светскими институтами.

Во-первых, возвращение церковного имущества даже в том объеме, в котором это определила правительственная комиссия, вызывает закономерное возрастание как экономического, так и политического рейтинга Церкви. И если до уже упоминавшегося воссоединения РПЦ и РПЦЗ церковные власти субординационно находились на несколько ступеней ниже власти светской, то в случае удачного распоряжения предоставившейся ей собственностью (что, в принципе, несложно, поскольку даже среди священнослужителей Московского патриархата немало выдающихся экономистов)

Церковь вполне может стать фактическим государством в государстве со всеми плюсами и минусами подобного положения.

Во-вторых, вновь возникнет проблема противостояния «неоиосифлян» и «неонестяжателей», которая может повлечь за собой некоторое обострение внутрицерковных споров и нестроений. В-третьих, как стороны различных светских институтов, так и со стороны некоторых представителей других конфессий возможно открытое противодействие экономическому укреплению Русской Православной Церкви. Так, многие либерально настроенные общественные деятели и публицисты уже давно выражают свое недовольство близостью Церкви и государства во многих социальных вопросах, а также тем, что РПЦ фактически получила право на определенную «духовную монополию» среди абсолютного большинства народов России. Результатом такого противодействия может стать обострение дискуссий на тему церковно-государственных отношений, а также рост антицерковных настроений среди части российского общества.

И, наконец, в-четвертых, Церковь, а, точнее, некоторые ее деятели, действительно, могут не выдержать соблазна собственностью и настолько обмирщиться в процессе коммерческой деятельности, что в результате этой работы Церковь может потерять свой фактически непререкаемый на сегодняшний момент духовный авторитет.

Однако стоит отметить, что все перечисленные выше негативные сценарии куда менее вероятны, нежели основной позитивный. Последний же заключается в том, что экономическое усиление Церкви отнюдь не ослабит ее духовно, с государства же при этом будет снята значительная часть груза имущественной ответственности. При этом в конечном итоге отношения светских и духовных властей только улучшатся, и в этом симфоническом тандеме будет реализован курс на построение «суверенно-демократической» России: независимого светского государства, опирающегося на собственный тысячелетний духовный опыт. Так что, будем уповать на Господа и надеяться на лучшее.